

В.Р. ФИЛИППОВ

ОПЫТ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В МЕГАПОЛИСАХ

Вендина О., Паин Э. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы
управления культурным разнообразием в крупнейших городах.
Москва: Сектор, 2018. — 184 с.

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию О. Вендиной и Э. Паина «Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах».

Ключевые слова: многоэтничный город, мегаполис, национальная политика, культурное взаимодействие, межэтнический конфликт, социальная напряженность.

EXPERIENCE OF ADMINISTRATIVE REGULATION OF CULTURAL INTERACTIONS IN MEGAPOLYSES

[Review of the book: Vendina O., Pain E. Multi-ethnic city. Problems and prospects of managing cultural diversity in major cities. Moscow: Sector, 2018. 184 p. (In Russ.)]

Abstract. The article is a review of the monograph by Vendina and E. Payn, "A Multi-Ethnic City. Problems and prospects of managing cultural diversity in major cities."

Keywords: multi-ethnic city, megalopolis, national policy, cultural interaction, inter-ethnic conflict, social tension.

В 2018 году увидела свет монография О. Вендиной и Э. Паина, посвященная проблемам административного регулирования процессов культурного взаимодействия жителей крупных городов. В первом разделе монографии обосновывается необходимость корректировки «российской национальной политики; во втором приводятся результаты эмпирического изучения «этнокультурного разнообразия» в трех российских городах [1, с. 6].

Читатель найдет в книге анализ опыта предотвращения и преодоления конфликтов «в сфере национальных отношений», сравнение таких конф-

ФИЛИППОВ Василий Рудольфович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, г. Москва

ликтов в российских городах с ситуацией в мегаполисах Франции и США. Исследователи анализируют методологию разработки государственных документов, призванных регулировать «национальную политику» в России и предлагают свои методы диагностики конфликтных ситуаций.

Интерес представляют положения, касающиеся причин социальной напряженности в мегаполисах и принципиальной возможности оптимизации «межэтнических» взаимоотношений. Э. Паин, размышляя «о российском историческом опыте регулирования межэтнических отношений», приходит к выводу о «невозможности выделить единый и непротиворечивый тип государственной политической стратегии в отношении национальной политики» [1, с. 8]. Не вполне понятно, что означает «политическая стратегия... в отношении политики», но мысль о том, что в России до сих пор нет политики, направленной на оптимизацию взаимоотношений культурно-отличительных групп населения, представляется справедливой. Трудно согласиться с тем, что «в 1990-е гг. власти пытались остановить дезинтеграционные процессы, развивая институты федерализма» [1, с. 8]. «Национальная политика» в эпоху Б. Ельцина представляла собой губительный калейдоскоп ситуативных реакций на распад российской государственности и возникновение все новых очагов социальной напряженности. Но в том, что до сих пор «разные цели национальной политики плохо совмещаются друг с другом», а посему «такая политика выглядит непоследовательной и эклектичной» [1, с. 8–9], Э. Паин абсолютно прав.

Недостатком «современной практики государственного управления в указанной сфере» Э. Паин считает «узость предметной зоны национальной политики», которая не учитывает специфику городов. По мнению исследователя, «на первый план вышли... столкновения интересов мигрантов и принимающего сообщества на территории крупнейших городов» [1, с. 9]. Не следует забывать про деструктивный потенциал «этнической» модели федеративных отношений, остающийся главной угрозой существованию Российского государства, хоть и не столь явной и демонстративной, как в конце прошлого столетия. Но федеративные отношения должны регулироваться конституционным законодательством. Что же касается конфликтных ситуаций, возникающих из-за наплыва мигрантов, то управленческие практики, призванные их элиминировать, должны лежать в сфере миграционной, конфессиональной, языковой, образовательной, медийной и культурной политики, а не в сфере пресловутой и никем не определенной «этничности» или этнически трактуемой «национальности».

Самый существенный недостаток рецензируемого труда — это хаотичность терминологического аппарата и нечеткость определения понятий. Так в «Предисловии» отмечено «противоречие между растущим интересом к этническим культурам и подозрительным отношением к их носителям» [1, с. 4]. Но что делает какие-то культуры «этническими», и какие культуры следует считать «неэтническими»? На той же странице читаем: «требова-

ние толерантного отношения к антропологическим, расовым, этническим, религиозным и культурным различиям являются в РФ конституционной нормой» [1, с. 4]. Здесь этнические и культурные различия упоминаются как несводимые друг к другу и не иерархичные. Далее авторы пишут о том, что «темы межэтнических и, шире, межкультурных отношений... остаются в фокусе общественных дискуссий» [1, с. 4]. Не вполне понятно, какой смысл вкладывают авторы в термин «этнические отношения», которые оказываются уже отношений культурных. Э. Паин конкретизирует понятие «культурное разнообразие», включая в него разнообразие языковое, племенное, этническое, религиозное и так далее [1, с. 11]. А в другом месте, размышляя о «культурной идентичности», включает в это понятие идентичность «этническую, религиозную, расовую и др.» [1, с. 15]. Таким образом, из «этнического» разнообразия исключаются язык и религия, зато в «культурное» попало племя, а в культурную идентичность оказалась включенной идентичность расовая.

Столь же двусмысленно в рассматриваемом труде употребляются понятия «нация» и «национальность». Анализируя содержание «Стратегии национальной политики РФ на период до 2025 года», Э. Паин справедливо отмечает, что в документе термины «многонациональность» и «межнациональные отношения» употребляется как синонимы «полиэтничности» и «межэтнических отношений»; и что слова «нация», «этнос», «национальность» означают для авторов «Стратегии...» примерно одно и то же [1, с. 36–37]. Но беда в том, что такое смешение понятий допускают и сами авторы. Это заметно даже в оглавлении работы: первый раздел называется «Управление культурным разнообразием и национальная политика», а одна из глав озаглавлена «Культурное разнообразие и национальное единство». Очевидно, что в первом случае речь идет о политике в отношении «национальностей», во втором — о гражданском единстве. Таких примеров можно было бы привести очень много.

Резюмируя анализ политики в отношении культурно-отличительных групп, Э. Паин отмечает, что «управление культурным разнообразием должно рассматриваться не с точки зрения государства, а с точки зрения многочисленных социальных субъектов, автономных по отношению к институтам власти» [1, с. 47]. Эта мысль действительно заслуживает внимания, однако она не отличается новизной: об этом писали О. Бауэр и Р. Шпрингер, разрабатывая концепцию национально-культурной автономии в начале прошлого века. Действительно, пресловутая «этничность» должна быть, так же как и вероисповедание, частным делом граждан, и отделена от государства. Но Э. Паин предлагает не вывести этот тип мифологизированной идентичности из сферы административного регулирования, а делегировать его на уровень городского самоуправления [1, с. 48]. Автор предлагает руководствоваться «парадигмой управления культурным разнообразием» как основой «для совокупности взаимосвязанных “отраслевых” политик —

этнической, конфессиональной, миграционной, культурно-образовательной и ряда других» [1, с. 47]. Вот только к какой «отрасли» следует приписать собственно «этническую» политику, автор не объясняет.

О. Вендина предваряет свой эмпирический раздел небольшим теоретическим вступлением. Она совершенно права в том, что «сегодня вряд ли кто-нибудь будет подвергать сомнению культурную природу этногрупповых идентичностей» [1, с. 54]. Но тогда зачем затуманивать суть вопроса и говорить об этнических, а не о культурных идентичностях?

Автор задается вопросом: «Почему в одних случаях повседневная этничность... мобилизуется под воздействием националистических дискурсов... а в других остается нечувствительной к ним» [1, с. 52]. И в этом контексте она предлагает перенести акцент с изучения причин возникновения «межэтнических конфликтов», на изучение причин их не-возникновения. Но здесь мы вновь упираемся в отсутствие определения понятия. Более правомерным представляется подход, согласно которому изучать следует социальные, территориальные, конфессиональные, политические и прочие конфликты, которым в определенных ситуациях приписывают «этническое» звучание.

Объем небольшой рецензии не позволяет сколько-нибудь подробно охарактеризовать эмпирическую часть работы. Впрочем, выводы авторов носят, как нам кажется, умозрительный характер. Заключение О. Вендиной о том, что «игнорирование роли города как субъекта национальной политики делают его ареной межэтнических столкновений» [1, с. 158], что «культурный плюрализм города предопределяет необходимость выработки надгрупповых принципов интеграции социума» [1, с. 159], что «множественность агентов публичной и непубличной власти в городах... диктует необходимость коалиционного подхода к регулированию этнополитических взаимодействий» [1, с. 161] прямо не вытекают из проведенного автором социологического опроса горожан.

Список литературы

1. Вендина О., Паин Э. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018. 184 с.